
ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

---

*З. В. Сикевич,
профессор кафедры психологии человека*

ЭТНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ НАРОДАМИ

Еще в 20-е гг. прошлого века, по мере модернизации общества и распространения массовой культуры, в сознании многих ученых, политиков и обычных людей стала утверждаться уверенность в том, что к концу XX в. по мере уменьшения межкультурных различий постепенно исчезнут не только границы между государствами, но и «растворятся» символические границы между людьми разных национальностей, а народы сольются в единое человечество. Как оказалось, это была не более чем наивная, хотя и прекрасная, иллюзия гуманистического духа.

Первый отрезвляющий удар по этой мечте нанесла нацистская идеология, построенная на расовой иерархии этнических групп, которую разделяло не только большинство немцев, но и немало приверженцев бытовой ксенофобии в других европейских странах.

Но даже если не углубляться в столь сегодня уже давнюю историю, достаточно вспомнить о том, что даже европейская интеграция не исключила межэтническое противостояние отдельных народов входящих в ЕС государств: фламандцы и валлоны в Бельгии, баски и испанцы, корсиканцы и материковые французы. И это мы перечисляем только латентные конфликты между коренными национальностями Европы, не вспоминая противостояния исторических народов Европы и мигрантов из стран Азии и Африки.

Ситуация **в России** и в целом на постсоветском пространстве еще более сложная и взрывоопасная. Причин тому немало, перечислим только главные из них.

1. Смешанное расселение народов на территории бывшей Российской империи, которое привело к невозможности вычленив этническую территорию того или иного народа так, чтобы это немедленно не было оспорено соседями. Именно поэтому сегодня все постсоветские границы, которые воспроизвели границы союзных республик,

не удовлетворяют ни одно из вновь образованных государств, включая Россию.

2. Строительство национальных государств на территориях, где нет отчетливо доминирующей этнической общности (Латвия, Казахстан) или титульный народ государства по разным причинам частично денационализирован, поэтому выдвигание национальной идеи носит для большей части населения характер искусственного конструкта (Украина, Белоруссия).

3. Отказ от демаркации границ в момент распада СССР, который привел к вспышке этнических конфликтов (Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье и др.). У специалистов не вызывает сомнения, что их удалось бы вовсе избежать или во всяком случае приглушить, если бы на «спорных» территориях были сразу проведены референдумы, результаты которых стали бы главным правовым основанием для размежевания бывших союзных республик.

4. Неконтролируемые потоки миграции на всем постсоветском пространстве, вызванные и экономическими причинами, и этническими конфликтами, и дискриминацией меньшинств в местах их прежнего проживания. В данном случае причины менее важны, чем следствия этого нового «переселения народов» — превращение в очаги скрытых и явных конфликтов крупных городов, куда и устремлены основные группы мигрантов, с трудом адаптирующихся к иной культуре и непривычному образу жизни, что вызывает раздражение у коренных жителей этих городов.

На первый взгляд, все перечисленные причины носят социальный, внешний по отношению к психологии человека характер. Однако в действительности глубинная мотивация обусловлена именно психологическим содержанием феномена этничности.

По поводу происхождения этничности спорят уже не первый век, с равным энтузиазмом доказывая, что это данность, заложенная от рождения в

архетипах, или искусственный конструкт, который формируется вполне осознанно, для достижения неких экономических или политических целей. С нашей точки зрения, в основе феномена этничности лежит **сравнение, переходящее в противопоставление**.

Надо сказать, что этническое сопоставление естественно и лежит в плоскости привычных любому человеку с детства обозначений — маркеров идентичности («наша» семья, «наш» двор, «наша» школа и т.п.). Все они самым естественным образом предполагают наличие «не-наших» семей, дворов и школ.

Не менее естественно предпочесть «наше» — «не-нашему» как лучшее, независимо от его реального содержания, ведь всем известно, что «своя рубашка ближе к телу».

Иными словами, положительная этническая идентичность и даже этноцентризм «удобно» укладываются в схему привычного маркирования внешней социальной среды.

По-иному обстоит дело с так называемой этнической толерантностью, которую можно вкратце определить как институциональную норму межэтнического взаимодействия. Норму, которая призывает признать общностью «мы» — не свой народ, а все человечество, т. е. все то множество этнических групп, которые его составляют.

Не вызывает сомнения, что этническая толерантность — конструкт, конечно, гуманистический и благородный, но слабо соответствующий нормам «по обычаю» и поэтому вызывающий неосознаваемое психологическое сопротивление у людей, никоим образом не относящихся к ксенофобам или расистам, а просто пребывающих в «уютных» тенетах этнической традиции.

Эта посылка подтверждается данными исследования, проведенного лабораторией этнической социологии и психологии НИИ комплексных социальных исследований в 2003–2005 гг., под руководством автора этих строк, на петербургской квотной выборке размером в 789 единиц.

В ходе исследования было, в частности, обнаружено, что этнические отношения трактуются горожанами в «оборонительном» контексте, так как у респондентов преобладает позиция «защиты» в восприятии других народов. Вариант закрытого вопроса: «Мой народ в истории нередко становился жертвой агрессии» был предпочтен примерно двумя третями опрошенных противоположному по смыслу суждению: «Мой народ в истории нередко использовал силу в отношениях со своими соседями».

Как выяснилось, только четверть опрошенных петербуржцев (24,0%) полностью соответствует предписаниям толерантности.

Примерно каждого пятого участника опроса можно отнести к людям, подверженным ксенофобии. Отвечая на вопрос о своем личном отношении к представителям других народов, 15,7% респондентов отметили свою «настороженность» к ним, а 3,8% — «антипатию» ко всем «чужакам» в совокупности.

Эти две группы людей представляют собой почти равновеликие полюса этнической дистанции с полюсами «наши» и «не-наши», большинство же участников опроса расположились «в промежутке» между полярными мнениями, оговаривая свое отношение к этническим «чужакам» различными обстоятельствами.

41,9% опрошенных петербуржцев обуславливает свою позицию тем, как «они относятся к людям моей национальности».

Каждый четвертый (25,4%) тем, «какая именно у них национальность» и примерно равное число ставит свое отношение в зависимость от «традиций, обычаев и религии» этих народов (13,9%), «их занятий, профессии» (14,7%), «местожительства — в моем городе или у себя дома» (14,9%) .

Данные исследований демонстрируют, что фобии для носителей этнических предубеждений в русской среде носят по преимуществу защитный, а не агрессивный, наступательный характер. Это обратная психологическая реакция на подчас декларируемое членами контактной этнической группы чувство превосходства, пренебрежения, уязвляющих групповое самолюбие членов титульной общности, что, конечно, никоим образом не оправдывает ее.

Сходная мотивация присутствует и у тех респондентов, которые обуславливают свое восприятие исключительно местожительством «чужаков». Представители иноэтнических групп вызывают негативное отношение только в качестве приезжих, экономических мигрантов, т. е. в качестве непосредственных соседей.

Неправильно было бы обвинять в отсутствии толерантности одних лишь коренных петербуржцев. Не следует закрывать глаза на то, что часть приезжих игнорируют традиции города, общепринятой межличностной коммуникации, вызывая тем самым к себе негативную реакцию, почти неосознаваемое раздражение.

Такого рода фобию можно охарактеризовать как ситуативную неприязнь в отличие от этнического предрассудка, который носит более устойчивый, долговременный, культурно мотивирован-

ный характер и обращен на всех членов отвергаемой общности независимо от их дислокации в социальном пространстве.

Рассмотрим более подробно конкретный объект этнической неприязни, который указал каждый четвертый из опрошенных петербуржцев.

Всего было названо 40 этнических групп. Как и предполагалось, наиболее выраженной оказалась «кавказофобия».

56,7% респондентов из числа носителей негативных установок в сфере этнических отношений (30,1% от общего числа участников опроса) указали в качестве объекта своего этнического отвержения либо все народы Кавказа в целом, либо одну из этнических групп этого региона.

Нельзя не отметить, что все наши исследования последнего десятилетия неизменно фиксируют в качестве ведущего доминирующего объекта отвержения негативное отношение именно к выходцам с Кавказа, которое можно объяснить следующими мотивами:

- растущая доля представителей народов Кавказа в составе населения крупных российских городов, которая в контексте настороженного отношения к этническим мигрантам в целом воспринимается в условиях растущей безработицы и неполной занятости как нежелательное «посягательство» на рабочие места «чужаков»;
- большая социальная мобильность выходцев с Кавказа по сравнению с русскими, которая обуславливает их преимущественную занятость в сфере мелкого и среднего бизнеса. А эта сфера безотносительно к этническому составу предпринимателей является без того объектом критики и даже откровенной неприязни со стороны неимущих слоев населения;
- корпоративность, взаимопомощь, сплоченность большинства кавказских меньшинств в противовес разрозненности представителей русского большинства, которые интерпретируются ими в маргинальном контексте как свидетельство криминализации этих сообществ;
- аффективное самовыражение «южан», вызывающее у сдержанных «северян» немотивированное раздражение и трактуемое как нескромность, нахальство и т.п.

На фоне утвердившейся в последние годы «кавказофобии» нельзя не заметить снижение уровня антисемитизма. Лишь 11,2% от числа тех участников опроса, которые обуславливают свое отношение к «чужакам» их национальной принадлежностью, или 2,8% от общего числа респондентов указали на свою неприязнь к евреям.

По числу отвержений второе место после представителей народов Кавказа занимают цыгане (21,6% от числа лиц с интолерантными установками или 5,4% от общего числа участников опроса).

Следует заметить, что сегодня, как показывают результаты глубинного анализа этой фобии, антипатию вызывают в большей мере не «свои», уже давно обрусевшие цыгане, а выходцы из Средней Азии, прежде всего Таджикистана, в отличие от российских цыган, в полной мере сохранившие традиционные стандарты жизни и этнокультурные обычаи.

Уточнение мотивов неприязни выявило, что она относится преимущественно к представителям этих народов, проживающих в Петербурге, т.е. в непосредственном соседстве, а не в своих национальных государствах.

Примечательно, что основные социально-демографические показатели (пол, возраст, уровень образования) участников опроса не влияют на уровень этнической неприязни. Учитывая тот факт, что 88,5% респондентов отнесли себя к русским, можно сделать вывод, что именно такое соотношение долей терпимости и нетерпимости как полюсов этнической дистанции является специфичным для этнического самосознания русских по национальности петербуржцев.

Этническая дистанция, как выяснилось, фиксируется также и на уровне внешнего опознания членом «своей» и других этнических групп по антропологическим признакам, как бы приблизительно они и ни были.

Так, лишь 31,6% опрошенных петербуржцев не обращает никакого внимания на национальность окружающих на улице, в транспорте и т. д., считая, по-видимому, этот признак несущественным для оценивания в ходе интеракции. 36,4% респондентов делают это постоянно, а 32,0% отмечают для себя национальность прохожих в том случае, если они им «чем-то несимпатичны».

Как мы видим, все три группы равновелики и каждая из них составляет примерно треть от числа всех участников опроса. Однако нельзя не учитывать того, что у 68,4% респондентов этническая акцентуация социального взаимодействия, пусть произвольно, но присутствует всегда или в случае негативного оценивания. Таким образом, норма «по обычаю», фиксирующая принадлежность к общности «мы» или «не-мы», продолжает доминировать в обыденном сознании большинства опрошенных жителей нашего города.

Именно эта, к сожалению, преобладающая часть жителей нашего города является питатель-

ной средой, если не для прямого проявления актов этнической неприязни, то для их молчаливого одобрения. Ведь неявное одобрение или, по крайней мере, равнодушие окружающих фактически провоцирует распоясавшихся подростков на избиение, и даже убийства «нерусских» жителей города.

Что мы можем противопоставить этой, все еще неосознанной многими петербуржцами, опасности межэтнических столкновений?

Первым барьером на пути эскалации этнической нетерпимости должна быть **семья**. Конечно, на еще неустойчивое мировосприятие ребенка влияет и улица, и его сверстники, в целом внешняя социальная среда, но нельзя не считаться с тем, что первичным агентом этнокультурной социализации являются именно родители. От уровня их собственной толерантности зависит умение ребенка видеть вокруг себя просто людей, более или менее ему симпатичных, но степень этой симпатии не ставить в зависимость от принадлежности человека к тому или иному народу.

Вторым барьером, заграждающим путь формирования этнических фобий, является **школа**. Представляется, что здесь имеет особое значение:

— реализация специальных программ по воспитанию этнической толерантности. Конечно, подобные программы существуют уже не первый год, однако, к сожалению, нередко они превращаются в формальные уроки «любви к другим народам», которые у детей могут разве что надолго вызвать «оскомину» по отношению к любым этническим проблемам;

— этническая терпимость и этнопсихологическая подготовка самих преподавателей безотносительно к реализации любых программ толерантности.

И, наконец, третьим барьером на пути развития ксенофобии и этнического экстремизма должны стать **профессиональные этнопсихологи**, способные обеспечить практику межэтнического взаимодействия, уменьшить в сознании людей символическую дистанцию между образами этнического «мы» и «не-мы».

Чем конкретно может помочь этнопсихологическое знание, если, на первый взгляд, суть конфликтов на этнической почве лежит в социальной среде?

В действительности, это и так, и не так. Да, вероятность негативного развития межэтнических отношений возрастает в нестабильной ситуации, в условиях социальных изменений, когда миллионы людей, недовольных своим уровнем жизни и возможностями самореализации, начинают искать

«виноватого» в своих бедах. И этим «крайним» чаще всего оказывается человек иной крови, с иной, чем у «меня», внешностью, с непонятными обычаями и традициями. На саму эту ситуацию психолог, конечно, повлиять не в состоянии.

Однако даже в неблагоприятных условиях социальной неустойчивости и неопределенности люди ведут себя по-разному, и помочь наладить им благожелательный диалог, независимо от этнической принадлежности, способен именно психолог, подготовленный по специальной магистерской программе «Этническая психология», сочетающей теоретическое знание и его практическое применение.

Каково поле применения специального этнопсихологического знания?

• **В сфере управления** (городская и районные администрации) целесообразно введение специальной должности «психолог по разрешению межэтнических конфликтов». Необходимость такого рода специалиста обусловлена постоянными латентными и открытыми столкновениями, которые возникают между коренными жителями города и этническими мигрантами, медленно, а подчас неохотно, адаптирующимися к культурным традициям и образу жизни такого мегаполиса, как Петербург.

• **В сфере реализации молодежной политики** необходим учет этнопсихологической составляющей программ по преодолению экстремизма, с привлечением к ее разработке специалистов-этнопсихологов. Не секрет, что наибольшую опасность в неблагоприятном развитии межэтнических контактов представляет именно молодежная и подростковая среда, агрессивная, легко возбудимая и социально незрелая, всегда готовая обратить свою негативную энергию против «нерусских чужаков».

• **В миграционной службе** целесообразно использование этнических психологов в качестве штатных сотрудников, а также этнопсихологическая переподготовка работников, не имеющих базового образования. Это связано с тем, что именно этнические мигранты представляют собой питательную среду для развития конфликтов, в том числе и с применением силовых действий.

• **В школах**, особенно с большим контингентом детей этнических мигрантов, полезно введение специальных дисциплин или отдельных уроков, посвященных культуре и традициям тех народов, представители которых являются учениками данной школы, а также проведение специального консультирования педагогов.

• **В семейных консультациях** уместна этнопсихологическая переподготовка консультантов в связи с тем, что в нашем городе высока численность смешанных браков, и семейные проблемы нередко обусловлены различными традициями семейной жизни супругов разной национальности.

На все эти сферы деятельности, вне всякого сомнения, может благотворно повлиять работа профессиональных этнопсихологов.

Не менее важной может стать этнопсихологическая переподготовка работников самого различного профиля на специальных семинарах по этнопсихологическому консультированию и тренингах этнической толерантности, которые уже осуществляются в рамках магистерской про-

граммы по этнической психологии, разработанной на кафедре психологии человека психолого-педагогического факультета РГПУ им. А. И. Герцена.

Петербург, который был задуман Петром как столица полиэтнической империи, всегда славился своей национальной и религиозной терпимостью. Участившиеся в последние годы конфликты на этнической почве, бесспорно, подтачивают устоявшуюся в веках репутацию нашего города. Помочь в сохранении и укреплении этой репутации, прежде всего, призваны петербургские ученые, и в их числе одно из первых мест принадлежат этническим психологам.

*Р. М. Теремова,
заведующая кафедрой интенсивного обучения РКИ
В. В. Артамонова,
доцент кафедры интенсивного обучения РКИ*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ОСНОВА АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

Интеграция мирового сообщества, как никогда прежде, выдвигает на первый план проблему межкультурного общения со всеми ее составляющими. Расширение межнациональных контактов в политике, экономике, науке, культуре, эпоха глобальных коммуникаций повлекли за собой существенные изменения и в образовательном процессе. Актуальной задачей работников высшей школы становится формирование в молодом поколении общепланетарного сознания, при котором человек, наряду с развитым чувством национальной самоидентичности, ощущает себя ответственным за все происходящее в мире.

При таком подходе становится очевидной необходимость социально-психологической взаимoadaptации представителей разных лингвокультурных общностей. Всегда ли взаимодействие, диалог культур конструктивны, насколько учитываются этнопсихологические факторы, определяющие оптимальную организацию коммуникации: менталитет, национальное самосознание?

Методика обучения русскому языку как иностранному отвечает на вызовы времени усилением внимания к развитию интегративных качеств личности, существенными из которых являются толерантность, эмпатия, приятие и понимание иностранцами учащимися российского социума.

Немалый опыт накоплен в этом отношении кафедрой интенсивного обучения РКИ РГПУ им. А. И. Герцена. Контингент изучающих русский

язык, с которым работает кафедра, разнороден и подвижен: это студенты из Америки, Европы, Азии, представители разных мироощущений и культур, в той или иной степени отличающихся от русской культуры и ментальности. В последнее время этот контингент активно пополняется еще одной категорией: дети эмигрантов, покинувших Россию в 70–90-е гг. При всем том, что представления о России у разных групп студентов в определенной степени сформированы предшествующим опытом воспитания и обучения, а у детей «бывших русских», урожденных носителей языка, наличествует особая «генетическая память», проблема толерантности и адаптации к живому русскому миру остается весьма актуальной.

Четко организованная система учебной и воспитательной работы позволяет кафедре добиваться того, чтобы иностранные студенты стали равноправными партнерами общения в российском социуме, не только овладели социокультурной информацией, но и адекватно использовали ее в межкультурном общении, избавились от социально-психологических стереотипов восприятия России. Кстати, некоторые из стереотипов не всегда бывают верны изначально, другие меняются под воздействием новых обстоятельств российского бытия. Несовпадение «ожиданий» с реальными ситуациями зачастую становится причиной культурного шока и даже конфликтных ситуаций. Так, для американских стажеров набор российских